

ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2018. Том 11. Номер 2

Главный редактор: А.В. Смирнов (Институт философии РАН, Москва, Россия)
Зам. главного редактора: Н.Н. Сосна (Институт философии РАН, Москва, Россия)
Ответственный секретарь: Ю.Г. Россиус (Институт философии РАН, Москва, Россия)
Редактор: М.В. Егорочкин (Институт философии РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

Р.Г. Аapresян (Институт философии РАН, Москва, Россия), В.В. Васильев (МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия), Лоренцо Винчигуэрра (Пикардийский университет, Амьен, Франция), П.А. Гаджикурбанова (Институт философии РАН, Москва, Россия), С.В. Девяткин (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Новгород, Россия), А.А. Кара-Мурза (Институт философии РАН, Москва, Россия), И.Т. Касавин (Институт философии РАН, Москва, Россия), Н.И. Лапин (Институт философии РАН, Москва, Россия), В.А. Лекторский (Институт философии РАН, Москва, Россия), Ханс Ленк (Институт технологий г. Карлсруэ, Германия), В.И. Маркин (МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия), В.Г. Федотова (Институт философии РАН, Москва, Россия), Чжан Байчунь (Пекинский педагогический университет, Пекин, Китай)

Редакционный совет

Эвандро Агацци (Университет Генуи, Италия; Университет Панамерикиана, Мехико, Мексика), В.И. Аршинов (Институт философии РАН, Москва, Россия), В.Д. Губин (РГГУ, Москва, Россия), А.А. Гусейнов (Институт философии РАН, Москва, Россия), И.Р. Мамед-заде (Институт философии, социологии и права НАНА, Баку, Азербайджан), А.С. Манасян (Ереванский Государственный Университет, Ереван, Армения), В.В. Миронов (МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия), Н.В. Мотрошилова (Институт философии РАН, Москва, Россия), С.А. Никольский (Институт философии РАН, Москва, Россия), Том Рокмор (Университет Дюкени, Питтсбург, США; Университет Пекина, Пекин, Китай), Ю.В. Синеокая (Институт философии РАН, Москва, Россия), В.С. Степин (Институт философии РАН, Москва, Россия), М.М. Федорова (Институт философии РАН, Москва, Россия), В.В. Целищев (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия), А.В. Черняев (Институт философии РАН, Москва, Россия)

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук

Периодичность: 4 раза в год. Выходит с 2008 г.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-61227 от 03 апреля 2015 г.

Журнал включен в: Web of Science (Emerging Sources Citation Index; Russian Science Citation Index); Ulrich's Periodicals Directory; EBSCO; ERIN PLUS; Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Перечень рецензируемых научных изданий ВАК (группы научных специальностей «09.00.00 – философские науки»); КиберЛенинка

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 41951

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

При частичном или полном воспроизведении опубликованных материалов ссылка на «Философский журнал» обязательна. Ответственность за достоверность приведенных сведений несут авторы статей

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, оф. 318

Тел.: +7 (495) 697-66-01;

e-mail: philosjournal@iph.ras.ru;

сайт: <https://pj.iph.ras.ru>

THE PHILOSOPHY JOURNAL

(FILOSOFSKII ZHURNAL)

2018. Volume 11. Number 2

Editor-in-Chief: Andrey Smirnov (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia)
Deputy Editor-in-Chief: Nina Sosna (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia)
Executive Editor: Julia Rossius (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia)
Editor: Mikhail Egorochkin (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia)

Editorial Board

Ruben G. Апресян (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Vadim V. Васильев (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), Polina A. Gadzhikurbanova (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Lorenzo Vinciguerra (University of Picardy, Amiens, France), Sergey V. Devyatkin (Yaroslav the Wise Novgorod State University, Novgorod, Russia), Alexey A. Karamura (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Ilya T. Kasavin (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Nikolay I. Lapin (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Vladislav A. Lektorsky (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Hans Lenk (Karlsruhe Institute of Technology, Karlsruhe, Germany), Vladimir I. Markin (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), Valentina G. Fedotova (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Zhang Baichun (Beijing Normal University, Beijing, China)

Advisory Committee

Abdusalam A. Guseinov (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Evandro Agazzi (University Panamericana of Mexico City, Mexico), Vladimir I. Arshinov (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Valery D. Gubin (Russian State University for Humanities, Moscow, Russia), Ilham Mammad-zadeh (Institute of Philosophy, Sociology and Law, Baku, Azerbaijan), Aleksandr Manasyan (Yerevan State University, Yerevan, Armenia), Vladimir V. Mironov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), Nelia V. Motroshilova (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Sergey A. Nikolsky (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Tom Rockmore (Duchesne University, Pittsburg, USA; Peking University, Beijing, China), Julia V. Sineokaya (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Vyacheslav S. Stepin (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Maria M. Fedorova (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Vitaly V. Tselitshev (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia), Anatoly V. Chernyaev (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia)

Publisher: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Frequency: 4 times per year

First issue: November 2008

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). The Mass Media Registration Certificate No. FS77-61227 on April 3, 2015

Abstracting and Indexing: Web of Science (Emerging Sources Citation Index; Russian Science Citation Index); Ulrich's Periodicals Directory; EBSCO; ERIH PLUS; the list of peer-reviewed scientific editions acknowledged by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation; CyberLeninka

Subscription index in the United Catalogue "The Russian Press" is 41951

No materials published in The Philosophy Journal can be reproduced, in full or in part, without an explicit reference to the Journal. Statements of fact and opinion in the articles in The Philosophy Journal are those of the respective authors and contributors and not of The Philosophy Journal

All materials published in the "Philosophy Journal" undergo peer review process

Editorial address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 697-66-01;

e-mail: philosjournal@iph.ras.ru;

website: <https://pj.iph.ras.ru>

К 190-летию со дня рождения Л.Н. Толстого

А.А. Гусейнов. Философское наследие Л.Н. Толстого
(интервью *Предрага Чичовачки*) 5

ФИЛОСОФИЯ И НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

Г.С. Рогомян. Недоступное убеждение 22

К.А. Павлов-Пинус. Теоретизирование о сознании:
эпистемические пролегомены. Часть I 40

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

А.В. Макурова. Специфика феноменологической интерпретации
понятия «значение» в ранних работах М. Хайдеггера 58

П.С. Гуревич. Тема человека в философском наследии Гегеля 72

МОРАЛЬ, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО

Р.Э. Бараиш, А.Ю. Антоновский. Системно-коммуникативное исследование
радикальных движений, или Как возможна научная теория протеста 91

АНАТОМИЯ ФИЛОСОФИИ: КАК РАБОТАЕТ ТЕКСТ

Цикл «Реплики»

Природа сознания: Восток – Запад
(*Д.И. Дубровский, В.Г. Лысенко, Ю.В. Синеокая*) 106

Экзистенциальный опыт: таинство и проблема
(*В.В. Знаков, Н.А. Касавина, Ю.В. Синеокая*) 123

ДИСКУССИИ

В.В. Целищев. Аналитическая философия и ревизионизм без берегов 138

Nadia Maftouni. Art as a language for Muslim thinkers:
metaphorical vs. literal approach 156

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.Ф. Васильев. Метаэтика: обзор проблематики 167

Toward the 190th anniversary of the birth of Leo Tolstoy
Abdussalam A. Gusseinov. The philosophical legacy of Leo Tolstoy
(interviewed by *Predrag Cicovacki*) 5

PHILOSOPHY AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Garris S. Rogonyan. *The inaccessible belief* 22
Konstantin A. Pavlov-Pinus. Theorizing about consciousness:
an epistemological prolegomenon. Part I 40

HISTORY OF PHILOSOPHY

Alexandra V. Makurova. Phenomenological interpretation
of the term ‘Meaning’ in early Heidegger 58
Pavel S. Gurevich. Man in the philosophical legacy of Hegel 72

MORALS, POLITICS, SOCIETY

Raisa Ed. Barash, Alexandr Yu. Antonovsky. A study of social
movements from the systemic communication standpoint:
is a scientific theory of political protest possible? 91

ANATOMY OF PHILOSOPHY: HOW THE TEXT WORKS

Rejoinders in a dialogue

The nature of consciousness between East and modern West
(*David I. Dubrovskii, Viktoria G. Lysenko, Julia V. Sineokaya*) 106
Existential experience: a mystery and a problem
(*Viktor V. Znakov, Nadezhda A. Kasavina, Julia V. Sineokaya*) 123

ACADEMIC DISCUSSIONS

Vitalii V. Tselishchev. Analytic philosophy and revisionism beyond the bounds 138
Nadia Maftouni. Art as a language for Muslim thinkers:
metaphorical vs. literal approach 156

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHIC SURVEYS

Andrey F. Vasilyev. A sketch of metaethics 167

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.Ф. Васильев

МЕТАЭТИКА: ОБЗОР ПРОБЛЕМАТИКИ

Васильев Андрей Флорович – кандидат философских наук. Удмуртский государственный университет. Российская Федерация, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1; e-mail: andrey.vasilyev@gmail.com

В статье предлагается краткий обзор проблемного поля метаэтики. Оно включает метафизику, психологию, эпистемологию и язык морали. Основной метафизический вопрос – вопрос о самом существовании подлинной (а не просто социально принятой) морали. Моральные реалисты отвечают на него положительно. Реалистская метафизика морали соотносит моральные факты и свойства, с одной стороны, с физическим миром (натурализм, нон-натурализм, супернатурализм), с другой – с человеческой субъективностью (объективизм и субъективизм). Философская психология морали соотносит моральные факты и моральные суждения с человеческими действиями – их мотивами и основаниями (разные виды интернализма и экстернализма). Эпистемология морали задает вопросы о познаваемости моральных фактов и свойств (скептицизм, интуитивизм, эмпиризм). Наконец, антиреалисты отрицают существование морали и пытаются объяснить, как язык морали создает у нас иллюзию обратного (теория ошибочности и нонкогнитивизм). Проблема состоит в том, что правдоподобные метафизические теории ведут к неприемлемым психологическим, эпистемологическим или семантическим следствиям и наоборот. Моральный натурализм и нон-натурализм с трудом объясняют психологическую значимость морали; кроме того, первый подразумевает плохо подходящую для морали эмпиристскую эпистемологию, а второй – не менее сомнительную сегодня интуитивистскую. С другой стороны, интерналистские теории, убедительные психологически и эпистемологически, вынуждены отрицать либо объективность, либо саму реальность морали.

Ключевые слова: метаэтика, этика, метафизика морали, психология морали, эпистемология морали, моральный реализм, моральный натурализм, моральная мотивация, интернализм, нонкогнитивизм

Большинство не-философов, скорее всего, согласится со следующими утверждениями.

Когнитивизм: Когда мы называем действие морально неправильным, то мы говорим либо правду, либо неправду.

Реализм: Некоторые действия действительно морально неправильны.

Познаваемость морали: Когда мы называем неправильное неправильным, то хотя бы иногда у нас есть основания для этого.

Объективность морали: Правильность действия не зависит от чьих бы то ни было представлений, желаний или интересов.

Практическая действенность морали: Мораль не оставляет нас равнодушными, она не может не отражаться в наших действиях, намерениях и расчетах, хотя ее воздействие на нас и не всегда достаточно сильно, чтобы в итоге перевесить другие соображения и побуждения¹.

По крайней мере, так говорит интуиция, так, на первый взгляд, выглядят наш моральный опыт и моральный дискурс. Проблема, конечно, в том, что эти суждения, правдоподобные по отдельности и привлекательные не только для не-философа, плохо совмещаются между собой. В них нет прямого противоречия, но если вывести все необходимые следствия, то окажется, что противоречий можно избежать только ценой отказа от некоторых еще более очевидных истин.

Эти и другие вопросы о языке, природе, познаваемости и психологии морали относятся к сфере метаэтики. Часто ее так и определяют: «Метаэтика есть попытка понять метафизические, эпистемологические, семантические и психологические допущения и убеждения, стоящие за моральными мыслями, словами и практиками»². Чем же тогда метаэтика отличается от этики вообще, чем она *не* занимается? Ответ прост: метаэтика не задает нормативных вопросов, не выносит суждений по существу моральных проблем. Ее не интересует, как правильно поступить. Она занимается тем, что вообще значит «правильно», где искать эту правильность, откуда мы о ней знаем и какое нам до неё дело. Это уже не нормативная, а дескриптивная дисциплина. Этику часто делят на три раздела. Прикладная этика занимается конкретными нормативными моральными проблемами в разных сферах человеческой деятельности: следует ли жителю богатой страны отдавать часть зарплаты жителям бедной? Допустима ли добровольная эвтаназия? Нормативная этика задает более общие нормативные моральные вопросы: как отличить правильный поступок от неправильного? Когда цель оправдывает средства? Метаэтика задает вопросы *об* этих вопросах. Ее интересуют сами моральные термины и моральные суждения, а также та моральная реальность, которая, предположительно, и дает им жизнь. Поэтому, на самом общем уровне, метаэтику можно определить как этику второго порядка, по аналогии с метаматематикой, которая занимается математическими вопросами второго порядка (не «сколько будет два плюс три», а «что такое число?» и «существуют ли числа?»)³.

Интерес к метаэтике в России растет. В «Академии Google» за последние десять лет проиндексировано вчетверо больше русскоязычных работ со словом «метаэтика», чем за предыдущее десятилетие⁴. Тем не менее обзор-

¹ Это всего лишь краткие описания явлений, более или менее знакомых всем. Курсивом выделены термины, под которыми рассматриваются эти интуиции в этике, но которые не нужно знать, чтобы согласиться с самими положениями. Каждому термину также соответствует целая группа философских теорий; в этом качестве они будут определены ниже.

² *Sayre-McCord G.* Metaethics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2014/entries/metaethics> (дата обращения: 10.01.2018). В интересах сокращения объема статьи цитирование сведено к минимуму. Ссылки на ключевые англоязычные работы легко найти, например, в вышеупомянутой Стэнфордской энциклопедии философии.

³ *Darwall S.* Philosophical Ethics. Boulder, 1998. P. 9. Ср.: «Метаэтика есть раздел этики, исследующий природу моральных споров первого порядка» (*Olson J.* Metaethics // The International Encyclopedia of Ethics. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781444367072.wbiee491/full> (дата обращения: 10.01.2018)).

⁴ Для сравнения, общее число публикаций со словом «этика» за то же время выросло только в полтора раза: URL: <https://scholar.google.ru> (дата обращения: 18.06.2017).

ных работ по этой тематике нет. Статьи Л.В. Максимова и А.В. Ястребцевой лишь отчасти могут играть эту роль, поскольку ставят перед собой аналитические задачи. Небольшой раздел в одном из учебников по истории этики ограничивается вопросами моральной онтологии и семантики, не затрагивая моральной психологии и эпистемологии⁵. Цель статьи – восполнить этот пробел. Конечно, в рамках даже очень просторного обзора невозможно было бы охватить всю проблематику целой философской субдисциплины, а тем более рассмотреть аргументацию участников каждого спора внутри нее. Здесь предлагается не более чем краткая сводка основных вопросов, интересующих метаэтику, и наиболее популярных ответов на них, а также нескольких ключевых аргументов за и против каждой позиции. Кроме того, я прослежу некоторые взаимосвязи между позициями из разных разделов метаэтики, особенно те, которые делают целостную метаэтическую теорию такой труднодостижимой, а метаэтику – такой интересной. Даже эта скромная задача связана с неизбежными упрощениями, которые, как я надеюсь, оправданы назревшей необходимостью иметь общую картину этой области философского знания.

Метафизика морали

О морали можно говорить на трех уровнях. Самый очевидный – разговор о самом языке: можно отрицать существование морали, но никто не отрицает существование моральных терминов: «добро», «зло», (морально) «правильное», (морально) «недопустимое», (моральный) «долг», «мужественный», «справедливость» и т. п. Второй уровень разговора о морали – психологический. Какова природа моральных суждений – ментальных состояний, выражаемых при помощи моральных терминов? Чаще всего допускают, что моральный язык выражает убеждения или мнения; другие думают, что он выражает эмоции или предписания. И третий уровень морального дискурса – метафизический: существует ли какая-то реальность, на которую указывают моральные термины и которая стоит за моральными суждениями, и что это за реальность? Тех, для кого такая реальность существует, называют моральными реалистами⁶. Если можно провести один «самый главный» водораздел в метаэтике, то это и будет деление на реалистов и антиреалистов – на тех, кто верит в существование морали, и тех, кто считает, что метафизика морали пуста, что мораль «живет» только на уровне языка и психологии – что мы только думаем и говорим о настоящей морали, тогда как на самом деле ее нет, а есть только принятые в обществе нормы и правила. В этом разделе речь пойдет только о реалистах; антиреализму посвящен заключительный раздел статьи.

Здесь будет полезно небольшое отступление. Один из вопросов, которыми занимается метафизика (метафизика вообще, а не метафизика морали), – вопрос о фундаментальных онтологических категориях. К чему в конечном счете сводится реальность – к объектам, событиям, фактам, свойствам или каким-то комбинациям всего этого? В нефилософских контекстах мы легко говорим и думаем обо всем этом как о реальном. Мы можем утверждать, что

⁵ *Максимов Л.В.* Очерк современной метаэтики // *Вопр. философии.* 1998. № 10. С. 39–54; *Ястребцева А.В.* Метаэтика: реализм и антиреализм в современных дискуссиях об основаниях нормативности // *Вопр. философии.* 2016. № 10. С. 47–57; *История этических учений.* М., 2003. С. 742–752.

⁶ Термин «моральный реализм» имеет и более узкий смысл, о котором будет сказано ниже, в разделе «Мораль и субъективность».

имеет место факт (что млекопитающие дышат легкими), убеждать кого-то, что произошло событие (что был гол), знать, что объект обладает свойством (что мяч круглый). Тот, кто принимает онтологию, состоящую, например, исключительно из фактов, должен считать, что, говоря о событиях или свойствах, мы в действительности ссылаемся на факты. Соответственно, истинность суждения «был гол» зависит не от того, произошло ли событие (гол), а от того, имеет ли место факт (что был забит гол). Утверждение, что мяч круглый, истинно не потому, что объект «мяч» имеет свойство «круглый», а потому, что имеет место факт, что мяч круглый, и т. д.

Моральная реальность, предположительно, имеет такую же онтологию, что и вся остальная. И о ней тоже можно говорить в любых терминах: на языке событий, фактов или свойств. Что из этого более фундаментально – в рамках метаэтики имеет не большее значение, чем в обыденных нефилософских контекстах. Я был неправ, когда неласково разговаривал с маленькой дочкой и довел ее до слез. Какая моральная реальность стоит за этим? Можно увидеть тут моральный факт: тот факт, что я совершил неправильный поступок. Чаще удобнее описать это как событие (мое действие), имеющее моральное свойство (моральную неправильность). На практике в метаэтике говорят почти исключительно о моральных свойствах и моральных фактах, но это не обязательно отражает онтологические представления сторон – это вопрос удобства и традиции.

Еще две оговорки. Моральные предложения, суждения и факты/свойства могут относиться не только к действиям (правильное/неправильное), но и к чертам характера (добродетель/порок), к лицам (хороший/плохой, добрый/злой) и к положениям дел («хорошо, что кончилась война»). В этой статье я для простоты говорю в основном о действиях, но обычно сказанное, *mutatis mutandis*, применимо ко всему вышеперечисленному.

В обыденной речи под моралью мы можем понимать как принятые в том или ином обществе моральные стандарты, так и некую истинную мораль. Мы можем сказать: «Мораль этого племени не видит ничего предосудительного в каннибализме», считая при этом, что на самом деле каннибализм аморален, и что он остался бы таковым, даже если наше собственное общество изменило бы отношение к этому явлению. В метаэтике под моралью всегда понимают именно истинную мораль. Часть релятивистов отождествляет мораль с социальными конвенциями, но в общем случае это различие остается в силе.

Мораль и физический мир

Моральный реализм – утверждение о существовании моральных фактов или свойств – кажется необходимым условием объективности морали. Но что могут собой представлять эти факты или свойства? Когда я обидел дочку, то мои действия, кроме времени, места, продолжительности и тому подобного, имели еще одно свойство – моральную неправильность. Что это за свойство, является ли оно частью физического, доступного чувственному восприятию мира?

В зависимости от ответа на этот вопрос реалистов делят на натуралистов, нон-натуралистов и супернатуралистов. Для натуралистов моральные свойства – неправильность поступка, благородство характера, ценность дружбы – такие же естественные или «натуральные» свойства, как способ-

ность вызывать удивление или умение привлекать сторонников. Некоторые поступки действительно вызывают удивление, а некоторые люди действительно умеют привлекать сторонников, но эти факты вписываются в научную картину мира без необходимости постулировать существование чего-то сверхъестественного или мистического. Моральный натурализм – это попытка обойтись той метафизикой, которой достаточно для разговора об эмоциях или лидерских качествах.

Отсюда понятна притягательность натурализма: к его сторонникам причисляли таких разных моралистов, как Протагор, Аристотель, Гоббс, Юм, Милль, Ницше и Маркс. Тем не менее большую часть XX в. моральный натурализм казался пройденным этапом, и причина этой аномалии – несколько страниц в книге Джорджа Мура «Принципы этики», где он обвиняет моральных натуралистов в «натуралистической ошибке» и выдвигает «аргумент открытого вопроса». Обычно считают, что с этого вызова и началась современная метаэтика. «Аргумент открытого вопроса» выглядит так. Определим правильное через натуральное – например, через «то, что ведет ко всеобщему счастью». Сравним два вопроса: «Да, этот человек холостяк, но действительно ли он не женат?» и «Да, это правильный поступок, но действительно ли он ведет ко всеобщему счастью?». Компетентный носитель языка не станет задавать первый вопрос (понимая смысл слова «холостяк», он уже в силу этого понимает, что он не женат), но может задать второй (понимая смысл выражений «правильный поступок» и «то, что ведет ко всеобщему счастью», он не будет априорно уверен в ответе). Вместо «то, что ведет ко всеобщему счастью», можно подставить любое другое натуральное свойство, а вместо правильности – любое другое моральное свойство, но вопрос останется в этом смысле «открытым», его можно будет задать. Согласно Муру, это указывает на то, что моральное не может быть натуральным⁷.

Со времен Мура натуралисты нашли по крайней мере три способа объяснить интуитивную «открытость» подобных вопросов о морали. Во-первых, моральное, будучи натуральным, может быть несводимо к нему, т. е. **неопределимо** в натуральных терминах, просто потому что у нас нет названий для каждого натурального свойства (можно ли назвать, например, все оттенки красного?). Это ответ нередуктивных натуралистов, таких как Ричард Бойд, Дэвид Бринк и Николас Стерджен.

Во-вторых, даже если мы можем определить моральное через натуральное, это определение не обязано быть аналитическим. Компетентный носитель языка может легитимно задать вопрос о том, правда ли, что вода – это H₂O (можно подумать о школьниках, которые уже знают, что такое «кислород», «водород», «молекула», но почему-то еще не проходили формулу воды). Это ответ синтетических редуктивных натуралистов. Одним из первых, кто сформулировал развернутую версию редуктивного натурализма, был Ричард Брандт. Согласно Брандту, моральная правильность есть соответствие моральному кодексу, который индивид рационально выбрал бы для того общества, в котором ему предстоит жить. (Рационально то, что было бы сделано при наличии полной информации и после «когнитивной психотерапии», устраняющей иррациональные желания.) К Брандту близок Питер Рэйлтон, который сначала определяет неморальное индивидуальное благо как предмет рациональных желаний индивида (тех желаний, которые бы пожелал для него его рациональный двойник), а затем определяет моральное правильное

⁷ Мур Дж. Принципы этики. М., 1984. С. 57–98.

как то, что максимизирует эти индивидуальные блага – здоровье, счастье и т. п. – с некой социальной точки зрения, когда интересы всех затронутых лиц учтены в равной степени⁸.

В-третьих, даже если мы хотим определить мораль аналитически, то и аналитические истины могут генерировать «открытые» вопросы (правда ли, что $796=12231-11435?$). Это ответ аналитических натуралистов⁹.

Противники натурализма настаивают, что и современные способы отождествить моральное с натуральным упускают что-то важное в морали, то, что и объясняет «открытость» вопроса Мура. Чтобы показать это, Терренс Хорган и Марк Тиммонс предлагают следующий мысленный эксперимент. Допустим, что натурализм верен. Вообразим себе другую планету, похожую на Землю, но словам, звучащим как наши моральные термины, там соответствуют другие натуральные свойства. Например, у нас правильно то, что максимизирует всеобщее счастье, а на Земле-двойнике считают правильным то, что не противоречит некоторым абсолютным запретам. Представим себе теперь, что где-то на нейтральной территории, на межпланетной космической станции, на которой работают и земляне, и земляне-двойники, происходит событие, которому стороны дают противоположные моральные оценки. Скажем, это была ложь во благо, разрешенная на Земле и запрещенная на Земле-двойнике. Если верен натурализм, то землянам и двойникам не о чем спорить, они просто будут говорить о разных вещах – соответственно, о максимизации всеобщего счастья и о нарушении запрета на ложь. Земляне будут говорить о том, что количество счастья вырастет, и двойники с этим легко согласятся. Двойники будут утверждать, что ложь во благо нарушает один из их абсолютных запретов, и земляне смогут допустить, что это так и есть. Для споров просто нет причин. Но интуитивно кажется, что споры возможны, что возникнут подлинные, а не иллюзорные разногласия. Допущение натурализма привело к неприемлемым выводам, значит, оно было ложным¹⁰.

В рамках реализма есть две альтернативы моральному натурализму. Это супернатурализм и нон-натурализм. Супернатуралисты сводят моральное к сверхъестественному. Среди немногих современных сторонников этого взгляда – Роберт Адамс и Филип Куинн. Самый известный вариант супернатурализма – «теория божественного повеления»: мораль исходит от воли Бога. Основной довод против – платоновская «дилемма Евтифрона»: если морально то, что велит Бог, то были ли у него основания повелеть именно это или его выбор был свободным? Если первое, то источником морали оказываются те основания, которыми он руководствовался, а не его воля. Если второе, то придется признать, что любое зло могло бы оказаться добром, если бы Бог его разрешил. По этой причине теория божественного повеления никогда не была популярна даже среди религиозных философов. И Августина, и Фому Аквинского, например, часто относят к моральным натуралистам: источник морали они искали в природе человека.

Аргументация Мура была направлена как против натурализма, так и против «метафизической этики» – супернатурализма – и в случае успеха в качестве единственного логически возможного реалистского ответа оставляла нон-на-

⁸ Brandt R.B. A Theory of the Good and the Right. Oxf., 1979; Railton P. Moral realism // Philosophical Review. 1986. Vol. 95(2). P. 163–207.

⁹ Сложная часть, конечно, в том, чтобы дать определение морали, которое было бы именно такой истиной. Пример взят из: Copp D. Varieties of Moral Naturalism // Filosofia Unisinos. 2012. Vol. 13(2). P. 286.

¹⁰ Horgan T., Timmons M. New Wave Moral Realism Meets Moral Twin Earth // Journal of Philosophical Research. 1991. Vol. 16. P. 447–465.

турализм. Согласно нон-натурализму Мура, моральные свойства качественно отличны как от естественных, так и от сверхъестественных и образуют особую метафизическую категорию. Метафизически «особые» образования долго казались таким же экстравагантным мифом, как платоновские идеи, к которым и восходит история морального нон-натурализма, но в последние десятилетия нон-натурализм вновь получил видных защитников в лице Дэвида Виггинса, Дерека Парфита и Дэвида Эноха. Они уподобляют моральные свойства скорее математическим абстракциям, чем платоновским идеям, и это сближает современный нон-натурализм с нередуктивными версиями натурализма. Если совсем недавно Стивен Даруэлл мог считать нон-натурализм просто разновидностью супернатурализма, то один из современных нон-натуралистов, Расс Шафер-Ландау, прямо допускает, что «моральный статус любой ситуации образован исключительно ее естественными характеристиками»¹¹. Но, в отличие от натурализма, который жестко связывает его с этими характеристиками, нон-натурализм предусматривает концептуальную возможность другой, в том числе и ненатуральной «реализации» моральных свойств (заимствуя идею множественной реализации из философии сознания).

Мораль и субъективность

Мораль выглядит объективным явлением, она не сводится к мнениям и ощущениям – мы можем спорить о морали (хотя не спорим о вкусах), мы можем ошибаться в моральных вопросах (хотя редко ошибаемся в собственных ощущениях). Поэтому часть реалистов – а мы, напомним, говорим пока только о них – ищет источник морали вне человеческого сознания. Но это создает сложности для объяснения практической силы морали, и поэтому другая часть реалистов связывает мораль с теми или иными ментальными состояниями. Соответственно, реалистские теории иногда делят на объективистские и субъективистские.

Однако существует и другая терминология, не менее распространенная. Странников независимости морали от сознания называют реалистами, а их противников – антиреалистами. Таким образом, мы находим в метаэтической литературе два понимания реализма: одно широкое, как утверждение о существовании морали, и другое узкое, как утверждение о существовании объективной морали, о независимости морали от сознания. Обычно из контекста ясно, о каком реализме идет речь. В тех случаях, когда надо провести оба различия, есть два способа избежать путаницы. Первый – выделить два вида реализма, соответственно «минимальный» и «сильный» (*robust*). Это очень громоздко, особенно когда приходится упоминать также и соответствующие виды антиреализма, и в этой статье я буду пользоваться вторым способом – сохранить термин «реализм» только для минимального реализма. Тогда сторонников независимости морали от сознания естественно называть объективистами, противников – субъективистами¹².

Если начать с крайних случаев, то самыми бесспорными объективистами окажутся нон-натуралисты и супернатуралисты. И те, и другие ищут источник морали вне человека: первые в умопостигаемой реальности, вторые в субъективности Бога. На субъективистском полюсе находятся те, кто

¹¹ *Darwall S. Op. cit. P. 40; Shafer-Landau R. Moral Realism: A Defence. Oxf., 2003. P. 76.*

¹² Или даже нон-объективистами, поскольку термин «субъективизм» уже используется, например, для обозначения той разновидности релятивизма, для которого мораль зависит не от культуры или общества, а каждого отдельного индивида.

отождествляет моральные факты с фактами о действительных психических состояниях наблюдателя или самого «деятеля» или «агента». Например, «это неправильно» означает «я осуждаю это», и будет истинным в том и только в том случае, если я действительно это искренне осуждаю¹³.

Большую часть остальных теорий нельзя отнести к субъективистским или объективистским, не определив границу между ними более точно. К сожалению, нет общепринятого способа это сделать. Как правило, субъективизм понимают как утверждение о зависимости моральных фактов или свойств от ментальных фактов или свойств, но какую именно зависимость засчитывать и какие именно факты или свойства считать ментальными?

Один способ конкретизировать эту границу использует понятие «ответ-зависимости». Ответ-зависимыми называют теории, связывающие моральность действия с той или иной реакцией, субъективным «ответом» на него со стороны агента или наблюдателя. В качестве примера можно привести «теорию идеального наблюдателя», восходящую к Дэвиду Юму и возрожденную Родериком Фиртом¹⁴. Согласно Фирту, действие неправильно, если его осудил бы идеальный наблюдатель – всезнающий, беспристрастный, бесстрастный, последовательный и способный все вообразить, а в остальных отношениях обычный человек. Фирт подразумевает, что мнение всех идеальных наблюдателей будет одним и тем же, и потому не считает свою теорию релятивистской. Современные натуралисты чаще предлагают релятивистские варианты этой теории (например, уже упомянутые выше Брандт и Рэйлтон).

Другой и более спорный пример субъективизма – метаэтический конструктивизм¹⁵. Для конструктивистов морально правильно то, что «согласились бы допустить рациональные агенты»¹⁶. Правильность действия зависит от соответствия этого действия определенной системе рациональных оснований для действия. В одной из кантианских версий конструктивизма, развиваемой Кристин Корсгаард, искомая нормативная система должна быть получена в результате процедурно правильного рассуждения – подразумевает, что мы как рациональные существа способны отвлечься от собственных интересов, посмотреть на вещи со стороны и вывести общие универсальные принципы поведения. Правильно то, что соответствует нормам, к которым мы придем в ходе подобной незаинтересованной рефлексии. Будет ли такая рефлексия примером субъективного «ответа» со стороны агента? На первый взгляд, да, хотя этот ответ и не связан с его персональными эмоциональными или когнитивными особенностями. Но не определяется ли «процедурно правильное рассуждение» в соответствии с независимым нормативным стандартом и если это моральный стандарт, то какова природа этого стандарта? Место конструктивизма среди метаэтических теорий, равно как и сам его статус как метаэтической теории, остается под вопросом.

По другую, «объективистскую», сторону границы, среди тех, кто отрицает зависимость морали от субъективного «ответа», окажутся некоторые моральные натуралисты. Например, для Ричарда Бойда правильно то, что

¹³ Эту позицию тоже часто называют просто «субъективизмом». Иногда ее приписывают Д. Юму.

¹⁴ Firth R. Ethical Absolutism and the Ideal Observer // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1952. Vol. 12. P. 317–345.

¹⁵ Сами конструктивисты обычно противопоставляют себя как объективизму, так и субъективизму, но понимают их намного более узко, чем оговорено выше.

¹⁶ Bagnoli C. Constructivism in Metaethics // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/constructivism-metaethics/> (дата обращения: 12.09.2017).

способствует реализации объективных человеческих потребностей, таких как здоровье, безопасность, межличностные отношения, эстетическое наслаждение и т. п. Часть этих фактов, без сомнения, можно отнести к ментальным фактам, и, значит, моральное зависит от субъективного. Но моральность никакого действия не зависит от субъективных *реакций* на это действие, она зависит от того, какими будут объективные последствия действия, даже если это последствия для ментальной жизни. Действие правильно не потому, что мы его одобряем или имеем рациональные основания одобрять – наоборот, мы имеем основания его одобрять, потому что оно правильно.

В силу отсутствия общепринятого понимания «зависимости от ментального», иногда высказываются сомнения в продуктивности споров о субъективизме, дискуссии все чаще идут вокруг конкретных форм этой зависимости; так или иначе, это еще один аспект многообразия моральной метафизики, несводимый к вопросу о моральном натурализме.

Одна мораль или больше?

Может ли одно и то же действие быть и правильным, и неправильным? Интуитивное понимание объективности морали требует отрицательного ответа на этот вопрос. Абсолютисты или универсалисты, принимая эту интуицию, считают, что есть единственный подлинный моральный стандарт, по крайней мере для каждого конкретного набора обстоятельств. Ложь иногда оправдана, иногда нет, но каждая конкретная ложь либо оправдана, либо нет.

Релятивисты допускают, что возможны несколько метафизически равноправных «моральных точек зрения». Самые известные релятивисты сегодня – Гилберт Харман и Дэвид Вонг. По Харману, правильно то, что соответствует принципам, которые индивид явно или неявно принимает как принципы поведения членов его группы, возникшие в процессе взаимных уступок и «торга». Для Вонга мораль – то, что соответствует нормам данного общества, но только тем из них, которые объективно помогают регулировать меж- и внутриличностные конфликты интересов и тем самым соответствуют «критериям адекватной морали»¹⁷.

Возможно, самая привлекательная черта релятивизма – это его способность объяснить моральные разногласия. Многие из них кажутся непримиримыми. Если воспользоваться примером Вонга: кто прав, либеральные индивидуалисты или коллективисты-конфуцианцы? Есть ли у нас рациональный способ это определить? Правдоподобно ли предположение, что один из этих взглядов просто ложен? Кажется более естественным допустить, что в морали может и не быть одного правильного ответа.

Критики возражают, что релятивизм не объясняет разногласия – он объясняет их несуществующими. Когда я говорю, что эта ложь была допустимой, а ты – что нет, то с точки зрения релятивиста мы говорим о разных вещах: я – о правильности-для-меня, ты – о правильности-для-тебя. У нас не больше поводов для спора, чем у богача и бедняка, когда первый говорит, что вещь дешевая, а второй – что дорогая. С этим трудно согласиться: мы ощущаем моральные разногласия как реальные и находим нужным спорить о морали. Традиционный ответ релятивистов состоит в том, что мы спорим не об истинности или ложности суждений, а о практических последствиях этой

¹⁷ Harman G. Explaining Value and Other Essays in Moral Philosophy. Oxf., 2000. P. 3–99; Wong D.B. Natural moralities. Oxf., 2006. P. XI–XV.

истинности или ложности, и наша равная правота может требовать противоположных действий, несовместимых между собой, что создает реальное, хотя и сугубо практическое противоречие.

Психология морали

Метафизические вопросы традиционно считаются центральными, но не исчерпывают метаэтики. Есть целый ряд психологических вопросов, связанных с моралью¹⁸. Я возьму только один: как объяснить интуитивно очевидную практическую действенность морали?

Сначала несколько пояснений. Как известно, пропозиция, или высказывание, – это логическая или метафизическая единица (например, факт), которая может быть истинной или ложной: «идет снег». Пропозициональными отношениями или пропозициональными установками называют те ментальные состояния, которые «направлены» на определенную пропозицию или высказывание: предположение, что идет снег, желание, чтобы шел снег, надежда, что пойдет снег, радость, что идет снег. Пропозициональные отношения обычно делят на когнитивные (убеждения, мнения, подозрения), эмотивные (радости, страхи) и конативные (намерения, желания, «воления»).

«Суждение» – двусмысленный термин, которым может обозначаться как пропозиция, так и пропозициональное отношение в целом, или, точнее, акт внутреннего принятия или искреннего выражения того или иного пропозиционального отношения. В метаэтике под суждением всегда понимается пропозициональное отношение или его принятие.

Мотив действия – это то пропозициональное отношение, которое будет фигурировать в объяснении этого действия. Одним из мотивов покупки лимонада может быть желание утолить жажду, поскольку это желание частично объясняет эту покупку. От мотивов действия надо отличать его основания – те обстоятельства (факты или пропозиции), на которые можно сослаться в качестве обоснования или оправдания действия – в качестве «довода за» или «соображения в пользу» этого действия. Основанием для того, чтобы выпить лимонад, может быть тот факт, что я испытываю жажду. Если мне повезло, то мотивы моего действия связаны с теми самыми фактами и обстоятельствами, которые являются его основаниями. Но это не всегда так: у меня может быть мотив совершить действие, но не быть для него оснований и наоборот. У меня может быть сильное желание и тем самым мотив выпить содержимое этого стакана, которое я принимаю за лимонад, но если в действительности это машинное масло, то у меня нет никаких оснований или «резонов» пить эту жидкость, хотя я и думаю, что есть. С другой стороны, за углом может быть фонтанчик с чистой питьевой водой, и тогда у меня есть все основания пойти туда, но, если я не знаю о том, что он там есть, нет мотива.

Одна из центральных догм философской психологии морали – «юмовская теория мотивации» – правдоподобно и очень изящно. Его можно представить как сочетание трех утверждений.

¹⁸ Нужно отличать моральную психологию, которой занимаются психологи, от моральной психологии как раздела метаэтики. Психологическая моральная психология – эмпирическая дисциплина, изучающая зависимость моральных взглядов и суждений от тех или иных факторов (Дж. Хайдт, Д. Блум), их возрастное развитие (Ж. Пиаже, Л. Колберг), физиологические механизмы моральных реакций и т. п.

(1) Пропозициональные отношения делятся на представления и желания (и их комбинации). Стандартным основанием этого деления стало «направление соответствия». Представления должны соответствовать реальности, в случае несоответствия я должен изменить свое представление. Желания не подстраиваются под реальность, наоборот, в случае несоответствия я попытаюсь изменить реальность и удовлетворить желание. Представления приспособляются к реальности; желания приспособливают реальность к себе¹⁹.

(2) Ни одно представление с необходимостью не связано ни с одним желанием. Вера, что эта жидкость хорошо удовлетворяет жажду, может сопровождаться желанием удовлетворить жажду, а может не сопровождаться. (Даже вера в наличие у меня желания не означает автоматически наличия этого желания, она может быть ошибочной. Точно так же наличие у меня желания не ведет с необходимостью к вере в существование этого желания, мое желание какое-то время может оставаться мне неизвестным.)

(3) Среди мотивов действия всегда есть некоторое желание и вера, что это действие удовлетворит это желание. То, что я выпил этот лимонад, объясняется тем, что я хотел пить и считал, что это действие (выпить содержимое этого стакана) удовлетворит это желание. При этом желание первично, а вера только придает направление соответствующему действию²⁰.

Итак, «юмовская теория мотивации» связывает мотивы с желаниями. Естественно предположить, что и основания действий должны быть связаны с желаниями. Именно в этом состоит другая догма философской психологии морали, или, точнее, ее самый известный вариант – «юмовская теория оснований». У меня не может быть оснований что-то сделать, если это действие и его последствия не исполняют какое-то мое желание. Не обязательно желание совершить именно это действие: я могу не знать про фонтанчик за углом, и значит, не иметь желания туда идти, но если у меня есть желание пить, то поход к фонтанчику удовлетворит это желание, и значит, у меня есть основание это сделать. Если учесть, что желания могут быть как эгоистическими, так и альтруистическими, то эта мысль кажется вполне тривиальной.

Мораль и нормативность

Вернемся теперь к практическому характеру морали, к той интуитивно правдоподобной мысли, что мораль имеет непосредственное отношение к нашему поведению. Мы редко – и все реже – произносим слово «мораль», но непорядочные поступки, коварные или безразличные люди редко оставляют нас равнодушными и часто подталкивают к тем или иным действиям.

Есть два основных способа конкретизировать эту мысль, перевести ее на язык моральной психологии. Во-первых, можно постулировать связь между моралью и основаниями действия, во-вторых – связь между моралью и мотивацией.

¹⁹ “Belief” переводили как «вера», «мнение», «убеждение», «представление» и даже «полагание». Я буду придерживаться первого варианта, который легче всего соотносится с оригиналом, и только во множественном числе переходить на «представления» или «мнения». Все эти термины имеют ненужные дополнительные коннотации, тогда как здесь важно лишь «направление соответствия». Некоторые глагольные формы лучше передают этот нейтральный смысл: «думать», «считать», «полагать».

²⁰ *Smith M. The Humean Theory of Motivation // Mind. 1987. Vol. 96. P. 36–61.*

Связь между моралью – моральными свойствами или фактами – и основаниями для действий называют нормативностью морали. Многие утверждают, что эта связь необходима, априорна, концептуальна, что мораль не может не создавать оснований для действий. Этот тезис называется интернализмом моральных фактов (*existence internalism*) (моральные факты уже внутри себя содержат основания действий), а его отрицание – экстернализмом фактов (основания действий – нечто внешнее и концептуально независимое от морали). Не обязательно это должны быть решающие, самые веские основания, как думал Платон, полагая, что аморальные поступки объясняются только незнанием. Все современные интерналисты считают, что эгоистические соображения хотя бы иногда могут перевесить моральные. Но кажется, что моральная неправильность действия сама по себе уже создает для агента хотя бы слабые, но все же основания воздержаться от этого действия. С этой оговоркой интернализм фактов выглядит правдоподобным.

Проблема в том, что интернализм фактов плохо совместим с объективностью морали²¹. Пусть моральность необходимо создает основания для действия. Согласно юмовской теории оснований, наличие оснований для того или иного действия необходимо зависит от субъективных желаний агента. Но мораль хотя бы иногда требует того, что противоречит нашим желаниям. Нам часто не хочется, например, выполнить обещание. И это противоречие как будто не отменяет применимости морального требования: никто не может снять с себя ответственность только потому, что у него нет желания выполнять обещание, или потому, что пострадают другие его желания. Получается, что практическая сила морали, понятая как интернализм моральных фактов, несовместима с объективностью морали, понятой как ее применимость ко всем людям вне зависимости от их желаний²².

Часть моральных натуралистов, такие как Филиппа Фут, Питер Рэилтон и Дэвид Бринк, жертвуют интернализмом фактов. Часть субъективистов, такие как Гилберт Харман, отрицают универсальную применимость морали. Кантианцы и нон-натуралисты совмещают объективность и нормативность за счет отказа от юмовской теории оснований. Платон, Аристотель или Гегель совмещали объективность и нормативность за счет отказа разделять интересы агента и интересы других людей. Дэвид Бринк называет это метафизическим эгоизмом – мое «эго» метафизически расширяется, вбирая других людей; преследуя то, что кажется их интересами, я преследую свои собственные интересы, ничего больше. Сегодня это мало кому кажется реалистичным²³.

²¹ *Brink D. A Puzzle about the Rational Authority of Morality // Philosophical Perspectives. 1992. Vol. 6. P. 1–26.*

²² Кантовский категорический императив соединяет и объективность, и практическую силу: он «категоричен» одновременно и в том смысле, что применим независимо от желаний, и в том смысле, что создает необходимые основания для действия, тоже независимые от желаний. Но надо понимать, что в общем случае это разные свойства. Объективность в этом смысле касается условий применимости требования к агенту, а нормативность – наличия у агента оснований для выполнения этого требования. Объективность не создает сама по себе нормативности. Правило этикета может быть применимо ко мне, но у меня могут быть основания не принять его во внимание. См.: *Foot P. Morality as a System of Hypothetical Imperatives // The Philosophical Review. 1972. Vol. 81. No. 3. P. 305–316.*

²³ Ср.: *Hunt L. Flourishing Egoism // Social Philosophy and Policy. 1999. Vol. 16. P. 72–95; Сыров В.Н., Агафонова Е.В., Кручинин Э.А. К проблеме оснований морального поведения // Вестник ТГУ. 2013. № 375. С. 55–60.*

Мораль и мотивация

Второй – и основной – способ конкретизировать мысль о практической действенности морали – это представить ее как тезис о существовании необходимой связи между моральным суждением и мотивацией. Этот вид интернализма называют интернализмом суждений. Он выглядит не менее правдоподобно, чем интернализм фактов. Если я признаю, что обязан помочь другу, то у меня уже в силу этого должен быть мотив именно так и поступить, хотя в конечном счете другие мотивы могут оказаться сильнее. Если я считаю закон несправедливым, то у меня не может не быть хотя бы слабой мотивации при случае проголосовать за тех, кто обещает его отменить. Когда в метаэтике говорят об интернализме, то чаще имеют в виду именно этот его вид.

Но интернализм суждений не менее проблематичен, чем интернализм фактов, и по той же причине: он кажется несовместимым с объективностью морали, с одной из ее предпосылок – моральным реализмом. Майкл Смит назвал это «центральной проблемой морали» (the moral problem): если реализм верен, т. е. моральные факты существуют, то естественно допустить, что моральные суждения суть веры об этих моральных фактах (когнитивизм). Но, согласно юмовской теории мотивации, никакие веры не порождают желаний, а без желаний нет мотивов. Значит моральные суждения не могут с необходимостью мотивировать²⁴.

У этой проблемы нет простого решения. Можно отказаться от интернализма, как делают те же Фут, Рэйлтон, Бринк и другие натуралисты. В пользу экстернализма суждений говорит интуитивная возможность существования «аморалиста»: человека, понимающего и признающего моральную норму, но не испытывающего ни малейшего желания ее выполнять. Но как тогда объяснить систематическое и надежное влияние моральных суждений на мотивацию остальных людей? Экстерналистам нужно найти контингентные мотивы, наличие которых никогда не гарантировано, но которые все же обычно присутствуют – например, желание иметь возможность оправдать свои действия перед другими людьми (Рэйлтон).

Можно отрицать когнитивизм и тем самым реализм. Если, осуждая кражу, я ничего не утверждаю и не отрицаю, а просто выражаю эмоции по этому поводу, то связь между суждением и мотивацией налицо: сами эти эмоции и будут мотивом воздержаться от кражи или наказать вора. Отрицание когнитивизма тоже имеет свою цену, о которой будет сказано в последнем разделе.

Наконец, можно попытаться сохранить и реализм, и интернализм, но для этого приходится идти на другие сомнительные допущения. Можно, например, отказаться от юмовской теории мотивации. Чаще всего отвергают (3), постулируя существование представлений, способных мотивировать независимо от наличных желаний. Так поступают кантианцы, для которых каждый индивид, при условии своей рациональности, не может не руководствоваться категорическим императивом. Этим же путём идут нон-натуралисты, для которых моральные суждения касаются умопостигаемых ненатуральных фактов и, значит, тоже не могут быть связаны с желаниями. Иногда ставят под сомнение (1), находя третий вид интенциональных состояний – гибрид веры и желания, некое «верожелание» (besire).

²⁴ Smith M. The Moral Problem. Oxf., 1994. P. 1–15.

Эпистемология морали

Познаваема ли мораль? Многие отрицают это. К моральным скептиками относятся прежде всего антиреалисты: нет морали, нет и знания о ней. Но есть скептики и среди реалистов. Реалист может признавать моральный кодекс своего общества за истинную мораль или нечто близкое к ней, но допускать, что эти его моральные убеждения не имеют достаточных оснований и, значит, не претендуют на статус знания.

Скептицизм подпитывается, в первую очередь, масштабом и неразрешимостью разногласий в моральных вопросах. Какой бы моральный вопрос мы ни взяли и какое бы мнение ни высказали, найдутся люди (иногда целые культуры), которые искренне не согласятся с нашей точкой зрения, и никакие рациональные доводы не помогут разрешить этот спор.

Другой источник скептицизма – отсутствие убедительной «позитивной программы» у тех, кто верит в моральное знание. Эмпиристы утверждают, что все моральное знание имеет своим изначальным источником наблюдение и опыт. Конечно, опыт необходим, но кажется, что недостаточен. Откуда я знаю, что дразнить ребенка неправильно? Наблюдение и самонаблюдение могут сказать мне, что это неприятно, но откуда я знаю, что делать неприятное другим неправильно? Какие наблюдения и эксперименты нужно провести, чтобы это установить? Часть моральных натуралистов, уподобляя моральное познание научному, настаивают на том, что мы все же делаем наблюдения. Например, мы используем «аргумент от лучшего объяснения». Как опытный физик может заключить, что в пузырьковой камере пролетел протон, потому что это событие лучше всего объясняет наблюдаемые на экране следы, так морально зрелый человек может сделать вывод о моральной ущербности Гитлера, потому что именно она наилучшим образом объясняет его действия²⁵.

С другой стороны, если моральное знание априорно, то оно не кажется аналитическим, истинным в силу смысла слов (но см. выше возражения аналитических натуралистов о возможности неочевидных аналитических истин). Кажется, что мы знаем мораль примерно так, как знаем истинность математических аксиом. Они «сами себе обоснование»: достаточно их понять, чтобы согласиться с их обоснованностью. «Рациональная интуиция» сама добавляет необходимое оправдание, выходящее за пределы данных чувственного восприятия, семантики и логики. Такой интуитивизм – находка для нон-натуралистов, для которых мораль есть нечто недоступное ни эмпирически, ни через анализ языка²⁶. Одна из проблем – в том, что интуитивизм плохо совмещается с эволюционным происхождением человека и его познавательных способностей. Если мораль, как утверждают нон-натуралисты, независима от чего бы то ни было человеческого, то возникновение у человека способности интуитивно отличать добро от зла оказывается просто счастливой случайностью. Если эмпиризм плохо согласуется с феноменологией морального рассуждения, то интуитивизм не в ладах с современной наукой.

²⁵ Railton P. Op. cit.; Sturgeon N. Moral explanations // *Morality, reason, and truth*. Totowa (NJ), 1985. P. 49–78.

²⁶ Об интуитивизме см.: Артемьева О.В. Английский этический интеллектуализм XVIII–XIX вв. М., 2011.

Антиреализм и язык морали

Антиреализм решает почти все метаэтические проблемы. Если морали нет, то не нужно увязывать мораль ни с физическим миром, ни с содержанием человеческого сознания, искать связь моральных фактов с мотивами или основаниями действий и объяснять познаваемость этих фактов. При этом антиреалист, если пожелает, может придерживаться метафизического (не морального) натурализма: ему не нужно постулировать ничего выходящего за пределы известного науке. Исторически как раз желание сохранить метафизический натурализм отчасти и мотивировало развитие антиреализма: когда Мур, как казалось, исключил возможность сведения морали к чему-то естественному (или сверхъестественному), то многим было легче совсем отрицать существование морали и попытаться в рамках науки объяснить ее иллюзию, чем принять существование «нон-натурального»²⁷.

Чтобы принять антиреализм, приходится распрощаться почти со всеми метаэтическими интуициями. Мораль оказывается фикцией. (Речь, напомним, идет об истинной морали, а не о наборе социальных условностей и психологических предрасположенностей, существования которых никто не отрицает.) Спасение тонущего ребенка может происходить в определенном месте, занимать определенное время, может быть успешным или достойным удивления, но оно не является ни правильным, ни неправильным. Действия не имеют моральных свойств, не существует моральных фактов и т. д. Современные антиреалисты обычно находят способы дать нам право говорить и думать так, словно действия могут быть правильными или неправильными, но это не меняет сути: морали нет, есть только разговоры и мысли о ней.

Существует два вида антиреализма: это некогнитивизм и «теория ошибочности». Первую развернутую – и до сих пор самую влиятельную – теорию ошибочности выдвинул Джон Мэки²⁸. Мэки принимает обе основные метаэтические интуиции. Мораль должна быть чем-то объективным, это не вопрос личного мнения, вкуса или желания. И в то же время мораль нормативна, она дает основания к действию. Но ничто не может и зависеть, и не зависеть от наших желаний. Значит, морали нет. Иногда это называют аргументом от странности: мораль, какой мы ее себе представляем, – такое странное явление, что в физической реальности она не может существовать. В Деда Мороза мы не верим в силу аналогичной «теории ошибочности»: не потому, что никогда его не видели, а потому, что он являет собой слишком странное сочетание свойств.

Если для теоретиков ошибочности все наши моральные суждения ложны²⁹, то для некогнитивистов они ни ложны, ни истинны, потому что ничего не утверждают. До сих пор мы исходили из когнитивизма, т. е. из того, что моральные суждения представляют собой мнения о моральных фактах, а предложения с моральными терминами выражают эти мнения. Нонкогнитивисты отрицают это, отвергая хотя бы одно из этих положений. Есть разные способы это сделать. Для эмотивистов и экспрессивистов моральные суждения представляют собой эмотивные состояния, а предложения с моральными терминами выражают эти эмоции. Для прескриптивистов моральные су-

²⁷ Baldwin T. G.E. Moore. L., 1990. P. 66.

²⁸ Mackie J. Ethics: Inventing right and wrong. L., 1977.

²⁹ По крайней мере суждения, подразумевающие существование морали. Теория ошибочности, конечно, не отрицает истинность таких суждений, как «Морали нет» или «Многие считают, что спасение утопающих – благо».

ждения и моральные предложения выражают предписания, а суждения суть конативные состояния, если вообще сводимы к одному определенному состоянию. Чтобы объяснить иллюзию когнитивизма, почти все современные некогнитивисты исходят из минималистских теорий истины: тогда предложение «Спасение тонущего морально правильно» истинно, если спасение тонущего морально правильно, т. е. если мы имеем право это сказать. А мы имеем право это сказать, если испытываем нужные эмоции. Таким способом предложения с моральными терминами получают истинностные значения даже в отсутствие моральных фактов и моральных представлений.

Важно не смешивать некогнитивизм с субъективизмом. И субъективист, и некогнитивист могут связывать моральные предложения с одними и теми же ментальными состояниями. Но для субъективиста предложения выражают мнения об этих состояниях, а для некогнитивиста они выражают сами эти состояния – в каком-то смысле являются их частью. Когда я говорю «я рад, что ты приехал», то описываю свое состояние (и может быть, я говорю правду, может быть, нет). Когда я восклицаю «ура! ты приехал!», то я не описываю, а выражаю свою радость, и это предложение ни истинно, ни ложно (даже если я притворяюсь). Субъективисты утверждают, что хотя моральные предложения имеют видимость описания чего-то объективного, они описывают наши эмоции. Когда я говорю «ты правильно поступил», то описываю свое состояние (одобрение), а не объективные свойства твоего поступка. Некогнитивисты идут еще дальше. Когда я говорю «ты правильно поступил», то имею в виду «ура! ты сделал это!». Поэтому некогнитивизм еще изящнее, чем субъективизм, объясняет интернализм моральных суждений. Если моральные суждения сводятся не к мнениям, а к эмоциям или другим состояниям, связанным с желаниями, то самим этим фактом уже и задана необходимая мотивирующая сила морального суждения.

Основная проблема некогнитивизма известна как «проблема Фреге – Гича» и возникает, когда предложения с моральными терминами оказываются в составе сложных предложений и умозаключений. Что делает фраза «обманывать друзей нехорошо» в предложении «Если обманывать друзей нехорошо, то тебе лучше извиниться»? Если бы она стояла отдельным предложением, то некогнитивист мог бы сказать, что она выражает неодобрение обману друзей. Но как понять выражение неодобрения (саму эмоцию, а не утверждение о ней) в положении после «если» (в роли основания в импликации)? Больше того, можно продолжить: «Но обманывать друзей нехорошо. Значит, тебе лучше извиниться». В когнитивистской интерпретации получим логически правильное умозаключение, а некогнитивист не может даже приписать ни одной из посылок истинностные значения. Как в этом случае доказать логическую правильность? Пока остаются сильные сомнения в том, что проблема имеет удовлетворительное решение³⁰.

Аналитические философы всегда старались не отклоняться слишком далеко от здравого смысла. Но избытые истины плохо уживаются друг с другом, и аналитическую философию можно было бы определить как попыт-

³⁰ Ср.: Ламберов Л.Д., Тарасов И.П. В защиту эмотивизма // Вестник НГУ. Сер.: Философия. 2010. Т. 8. Вып. 3. С. 20–26; Тарасов И.П., Казеннов Д.К. Некогнитивизм и философия языка // Вестник ТГУ. 2011. №4(16). С. 64–73; Ламберов Л.Д. Проблема Фреге–Гича: (I) О возможности решения в дефляционном ключе // Вестник НГУ. Сер.: Философия. 2013. Т. 11. Вып. 3. С. 5–9; Ламберов Л.Д. Проблема Фреге–Гича: (II) О прагматической интерпретации дефляционизма // Вестник НГУ. Сер.: Философия. 2013. Т. 11. Вып. 4. С. 30–33; Оглезнев В.В. Проблема Фреге–Гича и аскриптивные высказывания // Философия науки. 2014. № 1. С. 39–52.

ку примирить их между собой, нигде не поступившись логикой. Интуиции, оказавшиеся за бортом полученного компромисса и тем самым объявленные ложными, должны, по крайней мере, получить рациональное объяснение.

Список некоторых моральных очевидностей открывал этот обзор. Как мы видели, самое сильное напряжение возникает между объективностью морали и ее практической действенностью. Принять и то, и другое можно либо ценой отказа от правдоподобной – натуралистской – метафизики (нон- и супернатуралисты), либо ценой отказа от правдоподобной – юмовской – психологии (нон-натуралисты и кантианцы). Тем, кто не готов ни к тому, ни к другому, приходится жертвовать практической силой (экстерналисты) или объективностью морали (субъективисты). Нонкогнитивисты из всего списка банальностей могут принять только практическую действенность, хотя современные версии нонкогнитивизма позволяют сохранить видимость реализма и познаваемости. Теоретики ошибочности поддерживают только когнитивизм: соглашаясь с тем, что моральные термины и суждения описывают нечто и объективное, и действенное, они отрицают, что такое возможно в реальности.

Эти разногласия не обязательно говорят о безнадежности всей затеи. Они свидетельствуют только о силе наших дофилософских интуиций и одновременно о том, что по крайней мере некоторые из этих интуиций ошибочны³¹.

Список литературы

Артемьева О.В. Английский этический интеллектуализм XVIII–XIX вв. М.: ИФ РАН, 2011. 196 с.

История этических учений / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: Гардарики, 2003. 911 с.

Ламберов Л.Д. Проблема Фреге–Гича: (I) О возможности решения в дефляционном ключе // Вестн. НГУ. Сер.: Философия. 2013. Т. 11. Вып. 3. С. 5–9.

Ламберов Л.Д. Проблема Фреге–Гича: (II) О прагматической интерпретации дефляционизма // Вестник НГУ. Сер.: Философия. 2013. Т. 11. Вып. 4. С. 30–33.

Ламберов Л.Д., Тарасов И.П. В защиту эмотивизма // Вестн. НГУ. Сер.: Философия. 2010. Т. 8. Вып. 3. С. 20–26.

Максимов Л.В. Очерк современной метаэтики // Вопр. философии. 1998. № 10. С. 39–54.

Мур Дж. Принципы этики / Пер. с англ. Л.В. Коноваловой. М.: Прогресс, 1984. 327 с.

Оглезнев В.В. Проблема Фреге–Гича и аскриптивные высказывания // Философия науки. 2014. № 1. С. 39–52.

Сыров В.Н., Агафонова Е.В., Кручинин Э.А. К проблеме оснований морального поведения // Вестн. ТГУ. 2013. № 375. С. 55–60.

Тарасов И.П., Казеннов Д.К. Нонкогнитивизм и философия языка // Вестник ТГУ. 2011 № 4(16). С. 64–73.

Черняк А.З. Обоснование морали и моральный релятивизм // Логос. 2008. № 1(64). С. 263–279.

Ястребцева А.В. Метаэтика: реализм и антиреализм в современных дискуссиях об основаниях нормативности // Вопр. философии. 2016. № 10. С. 47–57.

Bagnoli C. Constructivism in Metaethics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/constructivism-metaethics/> (дата обращения: 12.09.2017).

Baldwin T. G.E. Moore. L.: Routledge, 1990. 337 p.

Brandt R.B. A Theory of the Good and the Right. Oxf.: Clarendon Press, 1979. 362 p.

³¹ Я благодарю обоих анонимных рецензентов, замечания и рекомендации которых помогли существенно улучшить статью.

- Brink D.* A Puzzle about the Rational Authority of Morality // *Philosophical Perspectives*. 1992. Vol. 6. P. 1–26.
- Copp D.* Varieties of Moral Naturalism // *Filosofia Unisinos*. 2012. Vol. 13(2). P. 280–295.
- Darwall S.* *Philosophical Ethics*. Boulder: Westview, 1998. 251 p.
- Firth R.* Ethical Absolutism and the Ideal Observer // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1952. Vol. 12. P. 317–345.
- Foot P.* Morality as a System of Hypothetical Imperatives // *The Philosophical Review*. 1972. Vol. 81. No. 3. P. 305–316.
- Harman G.* *Explaining Value and Other Essays in Moral Philosophy*. Oxf.: Oxford University Press, 2000. 238 p.
- Horgan T., Timmons M.* New Wave Moral Realism Meets Moral Twin Earth // *Journal of Philosophical Research*. 1991. Vol. 16. P. 447–465.
- Hunt L.* Flourishing Egoism // *Social Philosophy and Policy*. 1999. Vol. 16. P. 72–95.
- Mackie J.* *Ethics: Inventing right and wrong*. L.: Pelican, 1977. 249 p.
- Olson J.* Metaethics // *The International Encyclopedia of Ethics*. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781444367072.wbiee491/full> (дата обращения: 10.01.2018).
- Railton P.* Moral realism // *Philosophical Review*. 1986. Vol. 95(2). P. 163–207.
- Sayre-McCord G.* Metaethics // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2014/entries/metaethics> (дата обращения: 10.01.2018).
- Shafer-Landau R.* *Moral Realism: A Defence*. Oxf.: Oxford University Press, 2003. 322 p.
- Smith M.* The Humean Theory of Motivation // *Mind*. 1987. Vol. 96. P. 36–61.
- Smith M.* *The Moral Problem*. Oxf.: Blackwell, 1994. 226 p.
- Sturgeon N.* Moral explanations // *Morality, reason, and truth* / Ed. by D. Copp, D. Zimmerman. Totowa (NJ): Rowman and Allanheld, 1985. P. 49–78.
- Wong D.B.* *Natural moralities*. Oxf.: Oxford University Press, 2006. 293 p.

A sketch of metaethics

Andrey F. Vasilyev

Udmurt State University. 1 Universitetskaya Str., Izhevsk, 426034, Russian Federation; e-mail: andrey.vasilyev@gmail.com

This paper briefly surveys the field of metaethics. Metaethics is a second-order philosophical discipline relative to normative ethics. It strives to answer descriptive questions about metaphysics, epistemology, psychology, and language of morality. The main metaphysical question concerns the very existence of “true”, i.e. more than just socially accepted, morals. Moral realists give a positive answer to this question. Realist moral metaphysics situates moral facts and properties against the natural world (naturalism, non-naturalism, supernaturalism), and at the same time relates them to mental facts and properties. Philosophical moral psychology connects moral properties and moral judgments to human action via motivating and normative reasons (various kinds of internalism and externalism). Moral epistemology asks how can someone have the knowledge of moral facts and properties (skepticism, intuitionism, empiricism). Finally, antirealists completely deny the existence of morality and seek to explain it as an illusion created by moral language (error theory and non-cognitivism). The problem arises when it turns out that plausible metaphysical theories often lead to unacceptable psychological, epistemological and semantic consequences, and vice versa. Moral naturalism and non-naturalism have little success in explaining the psychological significance of morals, meanwhile the former relies on an empiricist epistemology that poorly suits moral reasoning, whereas the latter implies intuitivist epistemology which today fares no better. On the other hand, internalist

theories, which in themselves are much more convincing both from psychological and epistemological point of view, are bound to deny either the possibility of objective morals, or morals altogether.

Keywords: metaethics, ethics, moral metaphysics, moral psychology, moral epistemology, moral realism, moral naturalism, moral motivation, internalism, non-cognitivism

References

Artem'eva, O. V. *Angliiskii eticheskii intellektualizm XVIII–XIX vv.* [English Ethical Intellectualism of XVIII–XIX Centuries]. Moscow: IPh RAS Publ., 2011. 196 pp. (In Russian)

Bagnoli, C. “Constructivism in Metaethics”, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* [<https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/constructivism-metaethics/>, accessed on 12.09.2017].

Baldwin, T. *G.E. Moore*. London: Routledge, 1990. 337 pp.

Brandt, R.B. *A Theory of the Good and the Right*. Oxford: Clarendon Press, 1979. 362 pp.

Brink, D. “A Puzzle about the Rational Authority of Morality”, *Philosophical Perspectives*, 1992, Vol. 6, pp. 1–26.

Chernyak, A.Z. “Obosnovanie morali i moral'nyi relyativizm” [Justification of Morality and Moral Relativism], *Logos*, 2008, Vol. 1(64), pp. 263–279. (In Russian)

Copp, D. “Varieties of Moral Naturalism”, *Filosofia Unisinos*, 2012, Vol. 13(2), pp. 280–295.

Darwall, S. *Philosophical Ethics*. Boulder: Westview, 1998. 251 pp.

Firth, R. “Ethical Absolutism and the Ideal Observer”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 1952, Vol. 12, pp. 317–345.

Foot, P. “Morality as a System of Hypothetical Imperatives”, *The Philosophical Review*, 1972, Vol. 81, No. 3, pp. 305–316.

Guseinov, A. A. (ed.) *Istoriya eticheskikh uchenii* [A History of Ethical Thought]. Moscow: Gardariki Publ., 2003. 911 pp. (In Russian)

Harman, G. *Explaining Value and Other Essays in Moral Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 238 pp.

Horgan, T. & Timmons, M. “New Wave Moral Realism Meets Moral Twin Earth”, *Journal of Philosophical Research*, 1991, Vol. 16, pp. 447–465.

Hunt, L. “Flourishing Egoism”, *Social Philosophy and Policy*, 1999, Vol. 16, pp. 72–95.

Lamberov, L.D. & Tarasov, I.P. “V zashchitu emotivizma” [In the Defence of Emotivism], *Vestnik NGU, Seriya: Filosofiya*, 2010, Vol. 8(3), pp. 20–26. (In Russian)

Lamberov, L.D. “Problema Frege–Gicha: (I) O vozmozhnosti resheniya v deflyatsionnom klyuche” [The Frege–Geach Problem: (I) On the Possibility of a Deflationist Solution], *Vestnik NGU, Seriya: Filosofiya*, 2013, Vol. 11, No. 3, pp. 5–9. (In Russian)

Lamberov, L.D. “Problema Frege–Gicha: (II) O pragmaticheskoi interpretatsii deflyatsionizma” [The Frege–Geach Problem: (II) On Pragmatic Interpretation of Deflationism], *Vestnik NGU, Seriya: Filosofiya*, 2013, Vol. 11, No. 4, pp. 30–33. (In Russian)

Mackie, J. *Ethics: Inventing right and wrong*. London: Pelican, 1977. 249 pp.

Maksimov, L.V. “Oчерk sovremennoi metaetiki” [An Outline of Contemporary Metaethics], *Voprosy filosofii*, 1998, Vol. 10, pp. 39–54. (In Russian)

Moore, G. *Printsipy etiki* [Principia ethica], trans. by L.V. Konovalova. Moscow: Progress Publ., 1984. 327 pp. (In Russian)

Ogleznev, V.V. “Problema Frege–Gicha i askriptivnye vyskazyvaniya” [The Frege–Geach Problem and Ascriptive Statements], *Filosofiya nauki*, 2014, Vol. 1, pp. 39–52. (In Russian)

Olson, J. “Metaethics”, *The International Encyclopedia of Ethics* [<http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781444367072.wbiee491/full>, accessed on 10.01.2018].

Railton, P. “Moral realism”, *Philosophical Review*, 1986, Vol. 95(2), pp. 163–207.

Sayre-McCord, G. "Metaethics", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* [<https://plato.stanford.edu/archives/sum2014/entries/metaethics>, accessed on 10.01.2018].

Shafer-Landau, R. *Moral Realism: A Defence*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 322 pp.

Smith, M. "The Humean Theory of Motivation", *Mind*, 1987, Vol. 96, pp. 36–61.

Smith, M. *The Moral Problem*. Oxford: Blackwell, 1994. 226 pp.

Sturgeon, N. "Moral explanations", *Morality, reason, and truth*, ed. by D. Copp and D. Zimmerman. Totowa, NJ: Rowman and Allanheld, 1985. P. 49–78.

Syrov, V.N., Agafonova, E.V. & Kruchinin, E.A. "K probleme osnovanii moral'nogo povedeniya" [On the Problem of the Foundations of Moral Behavior], *Vestnik TGU*, 2013, Vol. 375, pp. 55–60. (In Russian)

Tarasov, I.P. & Kazennov, D. K. "Nonkognitivizm i filosofiya yazyka" [Non-cognitivism and the Philosophy of Language], *Vestnik TGU*, 2011, Vol. 4(16), pp. 64–73. (In Russian)

Wong, D.B. *Natural moralities*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 293 pp.

Yastrebtseva, A.V. "Metaetika: realizm i antirealizm v sovremennykh diskussiyakh ob osnovaniyakh normativnosti" [Metaethics: Realism and Anti-realism in Contemporary Debates About the Foundations of Normativity], *Voprosy filosofii*, 2016, Vol. 10, pp. 47–57. (In Russian)